

О МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ КЛАСТЕРАХ В УСТНОЙ РЕЧИ

Е. А. Гришина (rudi2007@yandex.ru)

Институт русского языка РАН, Москва, Россия

В статье вводится понятие мультимодального кластера (ММК), под которым понимается многокомпонентная единица устной речи, включающая в себя пары «смысл + жест», «смысл + фонетическое явление» (двойные ММК) или тройку «смысл + жест + фонетическое явление» (тройной ММК). Все компоненты ММК синхронизированы в речи, при этом фонетический и жестовый компонент ММК доступными им средствами передают связанный с ними смысловой компонент. Иными словами, ММК — это тесно связанное в речи сочетание языковых явлений разных модусов (собственно языкового, зрительного, звукового), которые в данной языковой культуре используются для стандартной передачи одного и того же смысла. В статье описываются разные случаи использования двойных и тройных ММК, характерных для устной русской речи.

Ключевые слова: кластер, мультимодальный кластер, устная речь, смысл, жест, фонетическое явление.

MULTIMODAL CLUSTERS IN SPOKEN RUSSIAN

E. A. Grishina (rudi2007@yandex.ru)

Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The paper introduces the notion of multimodal cluster (MMC). MMC is a multicomponent spoken unit, which includes diads “meaning + gesture”, “meaning + phonetic phenomenon” (double MMC) or triad “meaning + gesture + phonetic phenomenon” (triple MMC). All components of the same MMC are synchronized in the speech, gestural and phonetic components conveying the same idea as the semantic component (naturally, with available means). To put it another way, MMC is a combination of speech phenomena of different modi (semantic, visual, sound), which are closely connected in the spoken language, and roughly speaking mean the same, i. e. convey the same idea by their own means. The paper describes some examples of double and triple MMCs specific for the Spoken Russian.

Key words: cluster, multimodal cluster, spoken Russian, meaning, gesture, phonetic phenomenon.

1. Введение

Принципиальная *мультиmodalность* устной речи, т. е. чрезвычайная важность для ее адекватного функционирования (и для ее понимания) разных каналов (модусов) информации, прежде всего, звукового и зрительного, привлекает в последние годы внимание все большего числа исследователей. Особенно активно эта идея развивается в рамках анализа повседневной жестикюляции, сопровождающей речепорождение. Ни в коей мере не претендуя на полноту, можно упомянуть работы А. Ченки, К. Мюллер, И. Миттельберг¹, в которых подробно анализируются формы взаимодействия речи и жестикюляции, координация или, напротив, рассогласованность жестикюляционного и собственно языкового рядов в устном высказывании².

В ходе создания устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, и особенно Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), нам приходилось сталкиваться с ситуациями, когда в устном высказывании в одних и тех же *смысловых* (в широком смысле) точках мы находили сочетание одних и тех же событий, относящихся к разным модусам речи, — к сопровождающей речь жестикюляции (зрительный ряд), к фонетическим — в широком смысле — особенностям речи (как к собственно фонетике, так и к интонации). Такое постоянство в сочетании столь разнородных признаков показалось нам не случайным и потребовало того или иного объяснения.

Для описания явлений такого рода мы предлагаем использовать термин *мультиmodalный кластер (ММК)*. Мы будем говорить, что в устной речи мы имеем дело с ММК в случае, если одно и то же смысловое событие (семантическое, прагматическое, синтаксическое, стилистическое) сопровождается в устной речи одним и тем же набором жестовых и/или фонетических событий, т. е. ММК — это связка, фасция, кластер разномодусных явлений (зрительных и/или звуковых), которые с частотой выше средней сопровождают одно и то же смысловое явление и образуют разномодусные тройки или пары, выступающие в устной речи как самостоятельные смысловые единицы.

Повышенная по сравнению со средними распределениями частота сочетаний разнородных явлений внутри мультиmodalного кластера позволяет нам считать совпадение именно такого набора событий неслучайным и ставит

^{*} Исследование проведено при поддержке РФФИ, гранты 10-06-00151-а и 11-06-00030-а, и программ РАН РФ «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» и «Корпусная лингвистика».

¹ [Cienki 2005], [Cienki&Müller 2008], [Müller 1998], [Mittelberg 2007].

² Эти работы имеют непосредственный практический интерес, поскольку в рамках создания ЕСА (embodied computational agents), анимированных «посредников» между компьютером и человеком, в полный рост встала проблема воссоздания в анимационной среде естественной манеры каждодневного человеческого общения, — проблема, как оказалось, не решаемая без учета взаимодействий зрительного и звукового рядов в речи, т. е. без учета мультиmodalности.

перед нами задачу объяснить, почему именно такие, а не иные явления входят в данный мультимодальный кластер.

Парные семантико-жестикуляционные ММК уже довольно давно являются предметом обширных и весьма продуктивных исследований — ср., например, работу [Richter 2010], в которой были исследованы жесты, сопровождающие те или иные грамматические явления в русском языке (например, круговое движение рукой для передачи значения итеративности в русских глаголах не совершенного вида), наши работы о вокальных жестах А и О [Гришина 2009, 2010], где значения этих русских слов, чрезвычайно характерных для устной речи, анализировались с опорой на сопровождающие их жесты. Огромное количество работ посвящено иконическим (изобразительным) жестам, которые сопровождают или заменяют слова определенной семантики.

Парные семантико-фонетические кластеры изучены в меньшей степени (если, конечно, оставить в стороне работы по звуковому символизму, которые во всем, что не касается звукоподражательных слов, требуют от придирчивого читателя слишком большого уровня доверия к авторам). Такая асимметрия связана, очевидно, с тем, что жест является двусторонним знаком, имеющим собственную семантику и внутреннюю форму, а следовательно, согласованность слова и жеста имеет общую территорию для сравнения. Звуковой ряд речи достаточно редко имеет прямой выход на значение, что, конечно, затрудняет интерпретацию фактов. Из интересных работ в этой области можно упомянуть, например, исследование [Кривнова 2007], в котором анализировалось значение вызова у гортанной смычки в русском языке.

Нам не известны работы не по *парным* соответствиям смысл — жест и смысл — звук, а по *тройкам* смысл — жест — звук. А между тем представляется, что такое сочетание может быть более продуктивным и нестандартным, чем попарные сопоставления, не говоря уже о том, что факт постоянного или частотного совпадения в потоке речи двух двусторонних знаков (слова и жеста) с некоторым звуковым явлением может повысить доказательность утверждений, касающихся семантизации фонетических явлений.

Данная работа ни в коей мере не представляет собой исчисления, систематизации или классификации ММК, характерных для устной русской речи. Предполагается дать вполне мозаичное описание отдельных явлений такого рода, встреченных нами к настоящему моменту. Некоторые из них мы уже отмечали ранее, некоторые описываем впервые. Таким образом, основной задачей настоящей работы является привлечение внимания к самому наличию не только двойных, но и тройных ММК в устной речи и приглашение к исследованию устного высказывания с этой точки зрения.

2. Двойной ММК: *щас/ща, вот/во, нет/не*

В работе [Гришина 2008] мы писали о том, что для устной русской речи характерно наличие у ряда частотных неизменяемых слов лексикализованных вариантов, которые, этимологически восходя к исходному слову, получают

и свои собственные, самостоятельные значения, отличные от значений базовых слов, и тем самым превращаются, в конечном итоге, в самостоятельные слова³.

Интересно, что для трех частотных в русской устной речи слов — *щас* (регулярный стяженный вариант от *сейчас*), *вот* и *нет* (отрицательный ответ) — характерно наличие лексикализованных вариантов, которые образуются по одной и той же схеме: отпадает последняя согласная закрытого слога, при том, что каждое слово состоит ровно из одного этого закрытого слога: *щас* → *ща*, *вот* → *во*, *нет* → *не*. Мы считаем, что эта трансформация не случайна и представляет собой вполне закономерное событие.

Каждый из этих вариантов имеет свои собственные отношения с исходным словом. Так, *вот* и *во* достаточно сильно разошлись по значению и сфере функционирования (описанию их различий, собственно, и посвящена цитированная выше статья). *Щас* и *ща*, по-видимому, семантически идентичны. У *не*, как кажется, есть предпочитаемые контексты употребления, в частности, употребление варианта *не* в многократных (более чем трехкратных) повторах несколько отличается от употребления *нет*: *не* тяготеет к цельнооформленному повтору (связанному единым ударением), в то время как *нет* предпочитает иметь самостоятельное ударение на каждом повторяемом элементе.

Однако все эти три усеченных варианта объединяет одна особенность, а именно: все они относятся к неформальному, если не к просторечному регистру употребления языка, т. е. к тем сферам функционирования устной речи, где ослаблен контроль говорящего над соответствием его речи общепринятым официальным стандартам. На фоне этой общей особенности направление трансформации в вариантах по сравнению с исходным словом кажется уже неслучайным: при отсечении последней согласной закрытый слог превращается в открытый. Если иметь в виду, что 1) произнесение шумных согласных предполагает преодоление той или иной преграды в артикуляционном аппарате, а следовательно, предполагает большее напряжение, чем произнесение гласных, и 2) при произнесении согласных конфигурация артикуляционного аппарата в целом сложнее, чем при артикуляции гласных, то направление изменений в этих трех вариантах происходит по одной и той же схеме: напряжение + расслабление + напряжение → напряжение + расслабление. Тем самым, усеченные варианты предполагают завершение фонации на этапе более расслабленного состояния артикуляционного аппарата и меньшего контроля над ним.

Таким образом, в этом парном мультимодальном кластере мы имеем дело с соответствием фонетического ряда (расслабленность и пониженный контроль над артикуляцией) и стилистического ряда⁴ (расслабленность и пониженный контроль над соответствием официальным нормам, характерные для просторечия).

³ Такое направление развития характерно, в частности, для регулярных апокоп. Так, для некоторых контекстов характерно предпочтение апокопированных, а не полных вариантов, например, фраза *Прям, спешу и падаю!* звучит более естественно, чем *Прямо, спешу и падаю!*, а проклятия *Чтоб ты сдох!*, *Чтоб ты жил на одну зарплату!*, по-видимому, в принципе могут существовать только в этом виде, т. е. варианты **Чтобы ты сдох!* **Чтобы ты жил на одну зарплату!*, скорее всего, просто невозможны.

⁴ Если понимать смысловой ряд устного высказывания максимально широко, то ничто не может помешать нам трактовать стилистические характеристики как законные

3. Тройные ММК

3.1. Указательная частица *О*

В работе [Гришина 2009] мы анализировали разные значения вокального жеста *О* на основе сопровождающих этот вокальный жест телесных жестов. Было показано, что для одного из значений данного вокального жеста — указательной частицы *О* — **доминантным**, т. е. наиболее частым сопровождающим жестом является указание пальцем. Этот указательный жест осуществляется в двух основных вариациях: 1) указательный палец, поднятый вверх, — жест, означающий, что в ходе беседы было озвучено (реже — собирается прозвучать) нечто важное с точки зрения говорящего; 2) указательный палец, направленный в сторону собеседника, — жест, означающий, что слушающий только что сделал или сказал что-то важное с точки зрения говорящего.

Одновременно было отмечено, что указательная частица *О* часто (примерно в 82 % случаев) произносится с твердым приступом в начале, что предполагает относительно краткое (например, по сравнению с междометием *О*, выражающим удивление), *точечное* произнесение этой частицы.

В работе [Гришина 2008] было подробно проанализировано значение указательной частицы *О* по сравнению с *во* и *во*. Нам представляется достаточно обоснованным полученный вывод, согласно которому основным значением указательного *О* является, собственно, не указание, а *фиксация* объекта, т. е. актуализация, констатация наличия того или иного объекта (вещественного или абстрактного) в окружающей действительности, в коммуникативном или тематическом пространстве диалога в момент использования частицы *О*. С помощью частицы *О* говорящий лишь фиксирует наличие существенного для себя объекта, а не указывает на него собеседнику (в отличие от *во* и в особенности *во*, для которых существен именно момент указания): указательная частица *О* функционирует прежде всего в интересах говорящего, а *во* и *во* — в интересах слушающего.

Представляется, что эти три компонента в осуществлении частицы *О* — семантический, жестовый и фонетический — представляют собой тройной ММК. Указательный жест пальцем, а не рукой действует как аналог иглы или любого иного острого предмета, который как бы пригвождает объект, фиксирует его в пространстве диалога. Твердый приступ и связанное с ним краткое звучание данной частицы иконически с помощью фонетических средств отображает **точку** фиксации. Значение же частицы сводится к фиксации, «обездвижению» некоторого объекта, который без этой фиксации прошел бы незамеченным мимо внимания аудитории.

3.2. Итоговое Да

В работе [Гришина 2011а] нами были подробно рассмотрены разные случаи употребления ударного *да* в русском устном диалоге. Одним из значений *да* является т. н. итоговое *да*, с помощью которого *да*-говорящий подводит своего рода черту под своими размышлениями относительно какого-либо предмета.

Да в итоговом значении практически в обязательном порядке сопровождается специфическими фонетическими явлениями. Чаще всего это носовой призыв в начале произнесения, а также растяжка гласной. Эти фонетические признаки настолько специфичны и частотны, что даже нашли своей отражение на письме: итоговое *да* чаще всего обозначается как *нда* или *мда*, а также *да-а* или *да...* (многоточие стандартно обозначает растяжку гласной). Несколько реже встречается задержка рекурсии на [д].

С другой стороны, как было показано в работе [Гришина 2011б], посвященной исследованию закономерностей в изменении направления взгляда в устном диалоге, для итогового *да* характерно специальное поведение взгляда *да*-говорящего, отличающееся от поведения взгляда на *да* в иных значениях. Здесь для дальнейшего изложения существенны два параметра: 1) различие референтного (фиксированного) или нереферентного (расфокусированного) взгляда — говорящий фиксирует референтный взгляд на конкретном объекте (на любом физическом объекте или на собеседнике), нереферентный же взгляд свободен от конкретной фиксации, объект внимания в случае расфокусированного взгляда определить не удастся; 2) в случае нереферентного взгляда — различие его направлений (вниз, перед собой, вдаль, в сторону). В результате самого общего обследования материала (более 400 контекстов употребления *да*) становятся очевидны две закономерности. Во-первых, для итогового *да* характерен расфокусированный (нереферентный) взгляд (72% против 27% в среднем) и нехарактерен фиксированный (референтный) взгляд (28% против 73% в среднем, см. Табл. 1); для остальных значений *да* соотношение обратное. Во-вторых, если рассматривать такой специфический взгляд, как *взгляд вдаль*, т. е. взгляд за пределы не только коммуникативного пространства, но и вообще за пределы сопредельной данному диалогу территории, то мы увидим, что *взгляд вдаль* в высшей степени характерен для итогового *да* (19% против 6% в среднем) и практически не свойствен остальным значениям *да*.

Таблица 1

Значения <i>да</i> Тип взгляда	Итоговое <i>да</i>	Остальные значения <i>да</i>	Всего
Нереферентный взгляд	72 %	18 %	27 %
Фиксированный взгляд	28 %	82 %	73 %
Взгляд вдаль	19 %	3 %	6 %

Одновременно нужно упомянуть, что итоговое *да* сопровождается двумя разными типами жестикюляции. Первый, вполне ожидаемый в данном

случае, — это жесты, стандартно сопровождающие акт мысли, ситуацию сосредоточенного размышления: *взяться за подбородок, почесать затылок, сложить руки за спиной, чертить пальцем, нахмуриться*. Эти жесты естественно соотносятся с характерным для итогового *да* неререферентным взглядом: в ситуации размышления человек отгораживается от рассеивающих его внимание внешних объектов, в т. ч. и от собеседника, и старается не смотреть на них.

Второй тип жестов, объяснение которых уже не столь очевидно, — это жесты отстранения, дистанцирования. При этом дистанцирование может относиться как к собеседнику или некоторому внешнему объекту, так и к смысловой, тематической зоне высказывания. Это жесты *поднять брови, повести подбородком вбок, развести руками, отклониться назад, прищуриться* (т. е. трактовать предмет раздумий как находящийся далеко и, следовательно, плохо видный). С этим типом жестов естественно соотносится *взгляд вдаль*, который также помещает объект рассмотрения далеко, оценивая его как находящийся не только вне коммуникативного пространства, но и далеко за пределами сопределительной территории.

Представляется, что все описанные выше особенности итогового *да* хорошо укладываются в два ММК.

Первый кластер — двойной, семантико-жестикуляционный: *да* как итог (или, точнее, аккомпанемент) размышлений + жесты сосредоточенности, раздумий, а также неререферентный взгляд, отрешающий говорящего от объектов, способных помешать его сосредоточенности.

Второй кластер — тройной, добавляющий к семантике и жесту фонетическую составляющую. В этом кластере итоговое *да* является результатом размышлений, которые оценивают предмет размышлений как целое: очевидно, что именно охват ситуации в целом, во всех ее связях и аспектах, позволяет сделать правильные выводы. Но для того, чтобы появилась возможность оценить некоторый объект как целое, он должен располагаться от размышляющего субъекта на достаточном расстоянии, физическом или смысловом, и попадать, тем самым, целиком в «сектор осмотра». Следовательно, именно этот аспект семантики *да* естественно сопровождается жестами отстранения и дистанцирования от объекта размышлений, а также взглядом на него издалека (*взгляд вдаль* или *прищуриться*). И именно такая трактовка смысла итогового *да* объясняет его фонетические особенности (повторим — практически стопроцентно обязательные), а именно, — носовые призвуки и удлинение фонации (растяжка гласной или задержка рекурсии согласной): каждая из этих фонетических особенностей удлиняет итоговое *да*, оттягивает момент его завершения, что на фонетическом уровне дублирует отстранение говорящего от предмета его размышлений. Говорящий в этом случае словно делает фонетический «шаг назад» для улучшения осмотра.

3.3. Передразнивание

Цитирование, апелляция к чужому слову в тех или иных формах не просто часто встречается в устной речи, но составляет, по-видимому, ее обязательный

компонент, и может даже оцениваться как форма ее существования. Это является, очевидно, результатом непосредственного контакта в ходе устного диалога говорящего и слушающих, контакта, который требует от говорящего постоянного учета чужого слова, прежде всего, слова слушающего, при построении высказывания. В философском и общелингвистическом аспектах тема чужого слова хорошо разработана исследователями, понятийный и операционный аппарат которых восходит к работам М. М. Бахтина (см., например, [Гоготишвили 2006]). Мы ни в коей мере не намерены рассматривать эту проблематику с теоретических позиций: в наши задачи входит анализ одного специфического случая реакции говорящего на высказывание слушающего, а именно, — анализ такой разновидности неодобрительного цитирования, как передразнивание. В этом случае, как представляется, использование понятия ММК будет достаточно продуктивным.

Анализ материала МУРКО показал, что речевые акты, содержащие передразнивание, регулярно включают в себя следующие компоненты.

1. **Повтор цитируемого фрагмента.** В наиболее стандартном случае повтор заключается не просто в однократном воспроизведении некоторого участка цитируемого высказывания, что естественно для цитирования в целом, а в двойном (чаще всего) или в многократном повторе этого участка:

- (1) — *Ну кто ж за тебя будет бином Ньютона учить? — Опять за свое! Бином-бином / бином... Ну скока можно / ну?* (Друг мой, Колька!, 1961)
- (2) *О! Как родная вошла! А ты / не войдет / не войдет!* (Операция «С Новым Годом!», 1996)

Лексическая редупликация при передразнивании сопровождается своеобразным интонационным движением, когда вторая часть редупликации повторяет интонационный контур первой части, но на более низком уровне тона⁵:

не войдет

не войдет

Рис. 1

Повтор, однако, может выглядеть и по-другому, а именно, — говорящий может повторять лексически не совпадающие между собой участки чужого высказывания, но при этом произносить их с одним и тем же интонационным контуром, расположенным на одном и том же уровне тона (этот тип повтора можно назвать **интонационным** — он используется говорящим, когда тот

⁵ Для анализа интонационного движения на лексических мультипликациях данных пока недостаточно.

хочет уничижительно процитировать не одну, а две или больше зон цитируемого высказывания):

- (3) *Новиков наговорил вам тут... Хулиганить / избивать активных пионеров... А кого мы избивали?* (Друг мой, Колька!, 1961)

хулиганить избивать активных пионеров

Рис. 2

2. Передразнивание очень часто сопровождается **ненатуральным** для данного говорящего **уровнем тона**, причем это не локальный, точечный выброс за пределы нормы, а достаточно длительное ненатуральное звучание. Обычно голос поднимается выше стандартного уровня, но встречаются случаи и понижения тона:

- (4) *Я его сегодня встретил. Говорит / как там наш Лёва? Передайте ему пожалуйста / я хочу чтоб он в моем спектакле Ленина сыграл.* (Операция «С Новым Годом!», 1996)

- (5) — *Какие деньги?* — *Какие деньги... Обыкновенные!* (Друг мой, Колька!, 1961)

3. Для передразнивания характерны **жесты скривиться и трясти головой**.

- (6) — *А чего ж она?* — *Чего... Мамку вызовут в школу / будешь знать / [кривится] чего.* (Друг мой, Колька!, 1961)

- (7) — *Но тот тоже сказал пароль «черт поберу!»* — [кривится, трясет головой] *Черт поберу, черт поберу...* (Бриллиантовая рука, 1968)

Все эти три ряда явлений могут быть использованы для передачи идеи передразнивания как поодиночке, так и все вместе в одном высказывании. С нашей точки зрения, они представляют собой ММК, т.е. их сочетание для передачи речевой ситуации передразнивания не случайно, а закономерно, поскольку каждое из этих явлений отражает существенные свойства передразнивания, и, кроме того, связано с другим явлением, относящимся к иному модусу.

1. **Повтор + жест трясти головой**. Естественно, первый же вопрос, который возникает при анализе материала, содержащего речевое действие передразнивания, — почему передразнивание так тесно связано с повтором?

Для ответа на этот вопрос следует сформулировать, чем, собственно, является передразнивание? Передразнивание — это неодобрительное цитирование чужой речи с одновременным понижением этой чужой речи в ранге, в статусе.

Каким образом можно понизить статус чужой речи?

Прежде всего, можно подчеркнуть, что чужая речь бессодержательна. Бессодержательность речи выражается в том, что слов говорится слишком много, а реально передаваемой новой информации в этой речи слишком мало по сравнению с количеством слов. Следовательно, если какое-либо высказывание оценивается как многословное, то тем самым его статус понижается. Повтор чужой реплики или ее части (лексический или интонационный — все равно) как раз и символизирует, что цитируемое лицо произносит слишком много слов и при этом передает слишком мало полезной информации. Таким образом, цитация с повтором автоматически понижает ранг цитируемого высказывания, трактуя его как многословное и, соответственно, бессодержательное.

Почему речевой акт передразнивания часто сопровождается трясением головой? По всей вероятности, потому, что трясение головой имитирует вынужденные движения головы человека в момент говорения, и, следовательно, в момент произнесения цитируемой реплики. Таким образом, трясение головой передает ту же самую идею, что и повтор, но на уровне жестов: цитирующий пародирует физический акт произнесения цитируемой реплики, многократно и утрированно двигая головой (чаще всего — подбородком из стороны в сторону). Таким образом, на уровне жеста проводится та же идея, которая передается лексическим или интонационным повтором: цитируемый автор говорит слишком много и при этом передает слишком мало информации, следовательно, его речь бессодержательна, следовательно, ее можно не принимать во внимание ввиду ее низкого статуса.

2. Ненатуральный уровень тона + жест *скривиться*. Вторым способом понизить ранг источника цитаты является утверждение о том, что цитируемая речь неверна (т. е. сказанное не соответствует действительности) или неуместна (сказанное не соответствует конситуации речи). Несоответствие речи действительному положению вещей означает, что эта речь отражает действительность в испорченном, изуродованном виде, выступая по отношению к ней в качестве кривого зеркала. Именно эта идея порчи реального положения дел посредством неверного высказывания о нем и передается «уродованием», «порчей» цитируемой речи с помощью ненатурального уровня тона и жеста *скривиться*. Таким образом, цитируемое лицо произносит свое высказывание естественно, считая, что оно органично соответствует передаваемому содержанию или ситуации. Передразнивающий же субъект цитирует чужое высказывание, но одновременно портит его звучание (ненатуральный уровень тона) или дефектно отображает лицо цитируемого в момент произнесения им реплики (жест *скривиться*), воплощая на зрительном уровне идею несоответствия цитируемого высказывания реальному положению дел или ситуации и, соответственно, его низкий статус.

Следует отметить, что передразнивание — социологически маркированный речевой акт, т. е. он возможен только в том случае, 1) если передразнивающий субъект находится на одном уровне иерархии с передразниваемым или выше его, 2) если социальная ситуация общения воспринимается как неофициальная. В случае, если эти условия не выполняются, мы сталкиваемся

не с передразниваем, а с неодобрительным цитированием. При неодобрительном цитировании не используются жестовые и интонационные составляющие кластера передразнивания, т. е. неодобрительное цитирование сводится лишь к лексическому или интонационному повтору:

- (8) [Директор на педсовете] *Да... Как это просто у нас получается. Исключить... Поставить вопрос...* (Друг мой, Колька!, 1961)
- (9) [Отрядный вожатый] — *Какое общество?* — [Старшая пионервожатая] *Какое общество... какое общество... Вот вы разберитесь / а потом судите.* (Друг мой, Колька!, 1961)

Таким образом, повтор является самым нейтральным и социально приемлемым способом понизить ранг цитируемой речи. Остальные же составляющие рассматриваемого кластера (трясение головой, скривившееся лицо, ненатуральность уровня тона) переводят неодобрительное цитирование в ряд передразнивания и понижают статус цитируемой реплики существенно сильнее⁶.

4. Вместо заключения: иконичность и компенсация

Во всех рассмотренных в предыдущем изложении ММК отношение, которое связывает компоненты кластеров между собой, можно охарактеризовать как иконичность, т. е. повтор, имитация одного и того же значения средствами, относящимися к разным модусам устного высказывания:

1. расслабленность произнесения и отсутствие контроля за соответствием речи официальным нормам, характерные для просторечия, имитируются расслабленностью произнесения открытого слога в *ца*, *во* и *не* по сравнению с литературными *час*, *вот* и *нет*, представляющими собой закрытые слоги;
2. точка в конситуации общения, которая фиксируется говорящим как важная, имитируется указательным жестом, который осуществляется пальцем (а не рукой, к примеру), поскольку кончик указательного пальца на жестовом уровне отображает фиксируемую смысловую точку; на фонетическом уровне эта же точка отображается «точечным» звучанием указательной частицы *О*, которое обеспечивается твердым приступом в начале ее произнесения;

⁶ Следует отметить, что, по нашим данным, жестовые и фонетические составляющие мультимодального кластера передразнивания имеют гендерные ограничения: женщинам не свойственны ни жесты *скривиться* и *трясти головой*, ни ненатуральный тон речи. По-видимому, это связано с наличием внутренних запретов на уродование своего голоса и внешнего вида, характерных для женщин. Таким образом, женщинам доступно передразнивание в основном только в форме повторов. Впрочем, для уверенных утверждений материала пока недостаточно.

3. сосредоточенность говорящего на итоге своих размышлений, характерная для высказываний, содержащих итоговое *да*, на жестовом уровне имитируется жестами сосредоточенности, а на уровне грамматики взгляда — выходом *да*-говорящего из коммуникативного пространства и нереферентным (несфокусированным) взглядом, которые позволяют говорящему не отвлекаться на несущественные для его размышлений объекты (прежде всего — на слушающего) и полностью сосредоточиться на подведении итогов; стремление рассмотреть предмет размышлений в целом, как бы издалека, чтобы подвести правильный итог, имитируется на жестовом уровне взглядом вдаль, далеко за пределы коммуникативного пространства, и прищуром, функционирующим аналогичным образом; на фонетическом же уровне итоговое *да* характеризуется растянутым звучанием, и удлинение *времени* звучания имитирует увеличение расстояния (*пространства*) до предмета размышлений;
4. многословие и бессодержательность цитируемого высказывания имитируются лексическим или интонационным повтором, а на жестовом уровне — трясением головы, пародирующим вынужденные движения головы говорящего в момент говорения; ложность или неуместность цитируемой речи на интонационном уровне передается ненатуральным уровнем тона, а на жестовом уровне — гримасой; все эти элементы, организованные в ММК, составляют стандартный речевой акт передразнивания.

Рассмотрим еще один пример. Он касается взаимоотношений взгляда и эмфазы внутри фразы⁷. Далее мы будем различать *эмфазу* (фонетически, интонационно и акцентологически выделенное фонетическое слово), *фон* (одно или несколько идущих подряд фонетических слов, не являющихся эмфазой), *стандартную зону темы* (начало фразы, т. е. первое фонетическое слово), *стандартную зону ремы* (конец фразы, последнее фонетическое слово), *независимую* позицию для эмфазы или фона (часть фразы, не являющуюся ее началом или концом).

Анализ достаточно обширного материала показывает, что в независимой позиции поведение взгляда на эмфазе и фоне достаточно предсказуемо⁸:

Таблица 2

Положение взгляда	Независимая эмфаза	Независимый фон
Внутри зоны коммуникации	+	0
Вне зоны коммуникации	–	0

⁷ Подчеркнем, что мы рассматриваем взгляд и эмфазу именно внутри фразы, а не внутри реплики: на границах реплики взгляд, по-видимому, зависит от наличия или отсутствия эмфазы в существенно меньшей степени, чем на границах фразы, и управляется иными закономерностями, связанными с очередностью реплик (см. [Гришина 2011б]).

⁸ Далее + означает отклонение от средних распределений в большую сторону, – (минус) — отклонение в меньшую сторону, 0 — незначимость параметра, т. е. свободное глазное поведение говорящего, не связанное с наличием/отсутствием эмфазы; положение взгляда внутри зоны коммуникации = взгляд на собеседника, вне зоны коммуникации = взгляд не на собеседника.

Как видим, на независимом фоне, т. е. на той части фразы, которая не совпадает с ее границами и не подпадает под эмфазу, взгляд говорящего свободен находиться как внутри, так и вне коммуникативного пространства. Что касается независимой эмфазы, то она заметно чаще среднего сопровождается взглядом говорящего на собеседника. Очевидно, что в случае независимой эмфазы мы имеем дело с двойным ММК: то фонетическое слово, которому говорящий придает особое значение и, соответственно, выделяет его фонетически, интонационно и акцентологически, сопровождается взглядом говорящего на собеседника. Этот взгляд так же привлекает внимание слушающего к выделенному слову, как и звуковое его подчеркивание. Таким образом, взгляд в данном случае имитирует, иконически отображает на телесном уровне фонетический аспект эмфазы.

Если экстраполировать данные Табл. 2 на границы фразы, то на границах фразы мы должны ожидать следующих распределений (см. Табл. 3):

Таблица 3

Положение взгляда	Эмфаза		Фон	
	Начало фразы	Конец фразы	Начало фразы	Конец фразы
Внутри зоны коммуникации	+	+	0	0
Вне зоны коммуникации	–	–	0	0

Реальные же распределения отличаются от ожидаемых (см. Табл. 4):

Таблица 4

Положение взгляда	Эмфаза		Фон	
	Начало фразы	Конец фразы	Начало фразы	Конец фразы
Внутри зоны коммуникации	–	0	0	+
Вне зоны коммуникации	+	0	0	–
Номер столбца	1	2	3	4

Как видим, три столбца Табл. 4 (из четырех возможных) показывают нам отклонение от ожидаемого поведения взгляда.

Значит ли это, что ММК взгляд + эмфаза, который мы наблюдали на независимой эмфазе внутри фразы, распадается и перестает функционировать на ее границах? Это, по-видимому, одно из возможных решений, но нам показалось трудным, почти невозможным найти обоснование для такого внезапного разрушения кластера на границах фразы. Кроме того, простая констатация распада кластера не дает нам объяснения реальному поведению взгляда на границах фразы.

Приведенные данные, однако, могут быть объяснены иначе: внутри мультимодальных кластеров отношения, которые могут связывать между собой компоненты кластера, относящиеся к разным модусам, не исчерпываются прямой иконичностью.

Прежде всего, обратим внимание на то, что когда эмфаза и фон попадают в свои стандартные позиции (эмфаза — в конец фразы, т. е. в стандартную зону ремы, а фон — в начало фразы, т. е. в стандартную зону темы), распределение взгляда между положением внутри и вне зоны коммуникации в количественном отношении не отличаются от средних распределений, т. е. взгляд говорящего в этих ситуациях свободен (столбцы 2 и 3 Табл. 4).

В случае же, если эмфаза или фон отмечены в нестандартных для себя положениях (эмфаза — в начале фразы, а фон — в конце, столбцы 1, 4 в Табл. 4), взгляд ведет себя по-разному. Если эмфаза приходится на начало фразы, взгляд предпочитает положение вне зоны коммуникации. Если фон приходится на конец фразы, взгляд предпочитает положение внутри зоны коммуникации. Таким образом, можно сказать, что взгляд компенсирует нестандартное сочетание эмфазы/фона и их позиций во фразе: если в начале фразы наблюдается избыток эмфазы по сравнению с нормой, то положение взгляда вне зоны коммуникации нивелирует этот избыток своим отсутствием в зоне коммуникации; если же в конце фразы наблюдается недостаток эмфазы по сравнению с нормой, то взгляд компенсирует этот недостаток своим нахождением внутри зоны коммуникации.

Это означает, очевидно, что положение взгляда внутри зоны коммуникации и эмфаза — явления одного плана, хотя и принадлежащие к разным модусам устного высказывания (что мы и наблюдали в случае независимой эмфазы). Однако на границах фразы, в случае нестандартной с точки зрения коммуникативного членения предложения конфигурации, прямая иконичность разномодусных явлений заменяется их компенсационным поведением — взгляд компенсирует избыток и недостаток эмфазы по сравнению с нормой, т. е. эмфаза и взгляд ведут себя, как жидкость в сообщающихся сосудах, участвуя в игре с нулевой суммой. Очевидно, что такое компенсационное поведение возможно только в том случае, если два явления связаны иконически, т. е. выполняют одну и ту же задачу, находясь в разных модусах устной речи, однако иконичность в этом случае претерпевает достаточно необычную трансформацию.

В заключение следует отметить, что в рамках настоящей работы остался без ответа вопрос о том, имеет ли фонетический компонент ММК самостоятельное значение, или возможность семантизировать его появляется только внутри данного кластера, с опорой на такие двусторонние знаки, как лексика/синтаксис и жесты. Для того, чтобы фонетический компонент мог быть расценен как семантически самостоятельный, он должен а) встречаться и б) сохранять одно и то же значение внутри разных ММК. Для каких бы то ни было уверенных утверждений материала пока чрезвычайно мало, вернее, попросту нет. Мы на сегодняшний день склоняемся к мысли, что фонетический компонент внутри кластера семантизируется посредством двусторонних компонентов.

В упомянутой выше работе [Кривнова 2007: 348] было замечено, что «неформальное отрицание типа «не-а» [точно так же, как неформальное согласие даʔ — Е. Г.] произнесенное с ларингализацией, может обладать оттенком вызова, противопоставления мнения говорящего мнению собеседника, размежевания и нарочитого разграничения и рассогласования их позиций». С другой стороны, на нашем материале было замечено, что такая же ларингализация может быть использована как иконическое отображение свертывания фразы до начальной частицы, типа: *Да какая разница / наплевать!* → *Да / наплевать!* → *Даʔ / наплевать!*, *Ну что тут скажешь / тогда другое дело!* → *Ну / тогда другое дело!* → *Нуʔ / тогда другое дело!* (см. [Гришина 2010]; иконичность состоит в том, что внезапно заканчивается, будучи свернутой, фраза, которая должна была бы продолжаться дальше, и гортанная смычка концентрирует в себе всю неизрасходованную энергию несказанного, осуществляя что-то типа скрипа тормозов при экстренном торможении). Как видим, в разных контекстах одно и то же фонетическое явление может иметь разные значения, очевидно не сводимые друг к другу. Однако для более уверенных утверждений материала совершенно недостаточно.

References

1. Cienki. 2005. Image Schemas and Gesture. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics, 29 : 421–442
2. Cienki A., Müller C. 2008. Metaphor, Gesture, and Thought. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought : 483–501
3. Gogotishvili L. A. 2006. Indirect Speaking [Nepriamoe Govorenie].
4. Grishina E. A. 2008. The Particle ‘VOT’: Variants Used in Spontaneous Speech [CHastitsa ‘VOT’: Varianty, Ispol’zuemye v Neprinuzhdennoi Rechi]. Instrumentarii Rusistiki: Korpusnye Podkhody (Slavica Helsingiensia 34) : 63–91 (available at: http://docs.google.com/View?id=df52fjjj_9fntn6kxq)
5. Grishina E. A. 2009. On the Word and Gesture Correlation Problem (Vocal Gesture in the Oral Speech) [K Voprosu o Cootnoshenii Slova I Zhesta (Vokal’nyi Zhest v Ustnoi Rechi)]. Komp’iuternaia Lingvistika i Intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoi Konferentsii “Dialog 2009” (Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2009”), 8 (15) : 80–90 (available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/14.htm>)
6. Grishina E. A. 2010. Vocal Gesture in the Oral Speech [Vokal’nyi Zhest v Ustnoi Rechi]. Komp’iuternaia Lingvistika i Intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoi Konferentsii “Dialog 2010” (Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2010”) : 102–112, available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/17.htm>
7. Grishina E. A. 2011. ‘DA’ in Russian Oral Dialogue [‘DA’ v Russkom Ustnom Dialoge]. Russian Linguistics, 2(35).

8. *Grishina E. A.* 2011. Grammatics of Look (Look Direction as a Linguistic Factor) [Grammatika Vzgliada (Napravlenie Vzgliada kak Lingvisticheskii Faktor)]. *Filologiya*, 1(01) : 50–71.
9. *Krivnova O. F.* 2007. Phemonen of Laryngalization in Russian Speech [Iavlenie Laringolizatsii v Russkoi Rechi]. *Russkii Iazyk: Istoricheskie Sud'by I Sovremennost'*. III Mezhdunarodnyi Kongress Issledovatelei Russkogo Iazyka (Russian Language: Historic Destinies and the Modernity. III International Congress of Russian Language Researchers): 348 (available at: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=12>)
10. *Mittelberg I.* 2007. Methodology for Multimodality: One Way of Working with Speech and Gesture Data. *Methods in Cognitive Linguistics* : 225–248.
11. *Müller C.* 1998. Redegebegleitende Gesten: Kulturgeschichte-Theorie-Sprachvergleich
12. *Richter N.* 2010. The Gestural Realization of Some Grammatical Features in Russian. *Gesture: Evolution, Brain, and Linguistic Structures*. 4th Conference of the International Society for Gesture Studies : 245